Москва
Театр „Новая опера"

КЛУБ РЕАЛИСТОВ

Четыре года назад за Лужковым и Колобовым наблюдали тени

МОСКВА

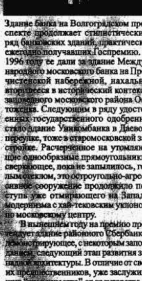
ЕСТЬ ЛИ У НЕЕ СВОЯ АРХИТЕКТУРА?

Из восьми архитектурных произведений, выдвинутых в этом году на соискание Госпремии, три построены в Москве, два — по проектам московских архитекторов в ближнем Подмосковье.

На суд высокого жюри представлены: административное здание Международного центра научно-технического сотрудничества в Большом Гнездниковском переулке, здание московского муниципального театра "Новая опера" в саду "Эрмитаж", здание Волгоградского отделения Сберегательного банка в Кузьминках, деловой центр "Мостранстроя" на Калужском шоссе и детская деревня "SOS-Томилино" за Люберцами.

Столичные зодчие вправе ожидать,что в этот раз награда их не минует. Но каково бы ни было окончательное решение, вопросы, возникающие при размышлениях о нынешних номинантах ,скорее всего останутся.

И Богу, и Маммоне



Здание банка на Новом Арбатском проспекте продолжает стилистический ряд банковских зданий, практически заходящих получившим в Лужниках. В 1996 году не дали за здание Международного московского банка на Пречистенской набережной, дальнейшем, в исторический контекст зрелищного московского района Остоженки. Следующим в ряду успешных государственного одобрения стало здание Инкомбанка в Даевом переулке, тоже в старомосковской застройке. Расширение на этом месте в целое однобразные прямоугольники, сверкающие, вовсе не запыленность, то бишь время, что могут только второсортные сооружения, продолжало поступать уже отмечающего на Западе юбилея с хай-тековским уклоном по московскому центру.

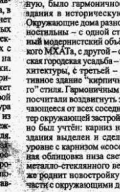
В нынешнем году на премию предусмотрено выдвижение Сбербанка, доминирующее, с некоторым запозданием, следующий этим развитиям в жанре архитектуры. В отличие от своих предшественников, уже заслуживших "знак качества" от государства, в здании Волгоградского Сбербанка нет отголосков стилистики обязательных металлических вставок и огромных стеклянных перегородок, расеченных с параноидальной аккуратностью на многочисленные прямоугольники. Дворовый фасад, который по демонстрируют стремление архитекторов, может быть и неоозначное, одной мощной угодить и Богу, и Маммоне. Структура окон на фасаде — прямоугольники из "любимого" в долгий хрущевско-брежневский период "партийного" стиля. Остекленная полуобшивка торца, ряд окон, выходящих до сих пор на сельских архитекторов хай-тека, в ряду на вида целиком принадлежит виртуозной стилистике, представляя для особой кусочек "из Грейзи".

Вместе со всеми достоинствами, отсутствием и многочисленными хитростями районного банка, тем не менее, является неоспоримым качественным шагом относительно ушедшей типовой окружающей застройки. Особенно, если учесть, что оно сделано в статусе обновления существующего здания сбербанка, расположенного по улицу, без "кашицеть", типовому проекту 60-х годов. Другой вопрос, нагом ужа?

Если мы говорим об исторических зорких и преемственности, о культурной идентичности, о "московском" стиле в ряду других, отличающих Москву от других городов на Земле и делающих ее уникальной и неповторимой, то, наверное, не след нам заниматься слепым или полуслепым копированием лучших и не самых лучших западных образцов.

Доходный плач по авангарду

Переходя от скромного по габаритам здания Сбербанка к административному зданию Международного центра научно-технического сотрудничества, которое, по мнению экспертов, в первом случае это районный банк, во втором — южно-корейский гигант "Самсунг". Но если не поддаваться обманно звучимо имени, нетрудно понять, что на самом деле перед нами обычное инвестиционное здание – шесть этажей общей по пять-шесть контор на каждом для сдачи в аренду. Иначе говоря, "Самсунг" осуществил очередную инвестицию и собирается на ней зарабатывать, хотя как минимум два предыдущих объекта, построенных "Самсунгом", стоит исключённым.



Задачей, которую авторы-архитекторы предоставировали как основную, были гармоничное включение здания в историческую застройку. Окружающие дома разнотипны и разнокалиберны – с одной стороны архитектурный ансамбль дореволюционного МХАТа, с другой – старомосковские городские усадьбы – памятник архитектуры, с третьей – административное здание "кирпично-партийного" стиля. Гармоничным архитекторы посчитали возвратить здание, отличающееся от всех соседних, но характер окружающей застройки несомненно бы учтён: первые два нижних этажа здания выделен и сделан на одном уровне с карнизом «соседа». Гранитная облицовка низа светлее тёмного металло-стеклянного верха, что также роднит новостройку в нижней её части с окружающими домами. Опущается явная попытка авторов как-то привязаться к контексту. Но что из этого получилось? Нижняя часть здания производит впечатление рецидива из прошлой сборно-железобетонной, индустриальной конструкции. Их перепиты с мелкой кнеей заполнены тостыми полированным стеклом с широкими фасками. Такой, в общем-то недорогостоящий, приём прекрасно окна в художественные витражи, где художники выступают сад и свет. Сочетание прямых и косых линий, отражений создаёт фантастическое зарисунки окружающей природы, напоминающие миражи. Главный фасад с витражами выходит на юг, поэтому игра солнечного света, разбрызгивающегося в радугу на многочисленных фасочных гранях, и движения теней от деревьев разыгрывают в фойе незабываемый сверкающий спектакль.

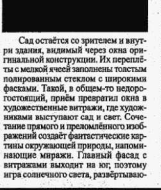
Если отъехать от МКАД по Калужскому шоссе за три километра, то по левую руку вы увидите торжественную стеклянную пирамиду комплекса "Мостранстроя". И размерами, и формой, напоминающие ступенчатые пирамиды майя, здание производит впечатление мощи, впрочем, как и всё, что связано со словом "Газпром". Сегодня, вероятно, традиции, в соответствии с которой "Газпром" – это государство в государстве, у которого всё своё, а реальный бюджет не меньше, чем бюджет всей Российской Федерации, "Мостранстроя" тоже построил своё мини-государство, в котором есть почти всё. Тут можно прожить жизнь, не выходя за пределы территории и удовлетворяя практически все человеческие потребности. На любой вопрос типа: "А если?..", ответ будет одним: "Это тоже предусмотрено".

При всём этом великолепия здания, бесспорно, совершенно языческое. Сделано оно в так называемом интернациональном стиле и стоить могло бы на каких угодно континенте. Никакого намёка на "московские" или даже "российские" черты здесь обнаружить невозможно. Похоже, вопрос об этом даже не возникал. Скорее наоборот, проектировщики стремились использовать все приёмы из международного джентльменского набора для проектирования больших зданий больших корпораций. Детали подобраны так, чтобы подчеркнуть солидность, транснациональный масштаб и приобщённость к глобальному. Жаль, что у этого высокопрофессионального сооружения связь с московской землёй, на которой оно стоит, — только через железобетонное основание.

Сад и свет

Муниципальный театр "Новая опера" был сооружён в процессе реконструкции Зеркального театра в саду "Эрмитаж" и привёл живое внимание своимнеординарным обликом. Пожалуй, со времён Шехтеля ничего подобного в Москве не строили.

Основной идеей проекта стал символ, то есть раннированное и взаимопитающее сообщество здания и сада. Сад выполняет роль театрального фойе, сад служит декорациями для открытой сцены: пилящь перед главным входом, украшенная двумя беседками, восстановленными по архивным материалам, и галерея, описывающая сверху по дуге зрительного зала, образуют своеобразную сценическую площадку, где летом в хорошую погоду можно устраивать представления.



Сад остаётся со зрителем и внутри здания, видимый через окна оригинальной конструкции. Их перепиты с мелкой кнеей заполнены тостыми полированным стеклом с широкими фасками. Такой, в общем-то недорогостоящий, приём прекрасно окна в художественные витражи, где художники выступают сад и свет. Сочетание прямых и косых линий, отражений создаёт фантастическое зарисунки окружающей природы, напоминающие миражи. Главный фасад с витражами выходит на юг, поэтому игра солнечного света, разбрызгивающегося в радугу на многочисленных фасочных гранях, и движения теней от деревьев разыгрывают в фойе незабываемый сверкающий спектакль.

Зрительный зал на 750 мест обладает внешнейной естественной акустикой, что для современных театральных зданий скорее исключение, чем правило. Для этого пришлось проводить математические и натурные моделирование, разрабатывать специальную конструкцию кресел, подбирать отделочные материалы. Трансформируемая сцена и другое оборудование позволяют показывать спектакли с весьма сложной сценографией.

Внешний и внутренний облик театра связаны кровным родством с городом и его историей. Стилистическое здание представляет собой продолжение и развитие традиций московского модерна, оно московское не только по стилуу, но и по своему духу.

Тяжелая поступь "Газпрома"

Крутом шестнадцать

Пятый объект в ряду конкурирующих — детская деревня международного благотворительного фонда "SOS-Киндердорф Интернациональ имени Г.Гмайнера" в посёлке Томилино. Это детский дом, но особый, созданный согласно концепции, разработанной пять десятилетий назад австрийцем Германом Гмайнером. В отличие от обычного детского дома, в котором все дети живут в одном большом доме, одной семьёй, детская деревня состоит из коттеджей, в каждом из которых живёт какая-семья из 6-8 детей разного возраста и пола во главе с квазиматерью, не имеющей права заводить собственную семью. Директора и часть обслуживающего персонала этого нетрадиционного детского учреждения живут со своими "натуральными" семьями в отдельных или сблокированных коттеджах.

Функционально-идеологические особенности и условия финансирования продиктовали архитектурные решения. На участке площадью 1,3 гектара поставлено шестнадцать зданий, ограниченных из которых – коттеджи для "семейных" групп. В состав застройки входит также общественный центр, хозяйственный блок с учебными мастерскими, коттедж директора и обслуживающего персонала. Тесно поставленные красно-кирпичные дома, крытые черепицей, лаконичны, если не сказать строги, по своим формам и напоминают радовую застройку австрийских городов.

Что не получилось, так это якамбы. Все здания настолько схожи, что это утомляет взгляд. Индивидуальность каждого жилого дома никак не выражена и ничто не предусмотрено для её выражения. Мальши, несомненно, будут путать свой дом с другими.

Дерево или кубик?

Обозрева и осмыслива все пять московских объектов, допущенных к соискания Государственной премии, неизбежно приходишь к выводу, что лишь одно из сооружений органично московское – театр "Новая опера". Оно бесспорно поступает полноправным представителем нашей российской культуры. Здание выросло на нашей земле как гриб, как дерево, а не поставлено, как пластмассовый кубик. Остальные сооружения, являясь большими или меньшими абстрактными дизайнерскими удачами, выступают как носители другой культуры. Нисколько не худшей, но чуместной для других физических и культурных ландшафтов. Настоящую цену американское здание имеет в Америке, так же как немецкое – в Германии. Очевидность этого подтверждается судьбой некоторых английских замков, купленных американскими миллиардерами, перенесённых по камешку за океа и собранных одни в одному на новом месте. Из разряда памятников истории и культуры они попали в категорию курьёзов. Воспишашь воображение великолепным небоскребам в Нью-Йорке или Чикаго, в вовсе не хочу, чтобы их декоративные братья стояли на Пресне. Уже есть примеры аналогичных чужих ошибок. Французы создали свой заповедник стеклянно-таллических монстров – район Дефанс, но сделали это не в центре Парижа. Сейчас стала понятна даже французам его чудовищная несомасштабность человеку, агрессивность построенной в угоду архитектурно-финансово-политическим амбициям среды. Когда архитектор забывает, что он архитектор, и жаждет только самовыразиться как художник, когда фантазиист стремится из уровня архитектурных символов продемонстрировать корпоративное могущество, когда политик хочет поразить воображение избиратели масштабностью своих свершений – тогда обычно и получается античеловечная среда, несмотря на декларации всех троих о строительстве во имя блага человека.

Присуждая премии и награды, государство обозначает видимые для общества ориентиры, формирует систему ценностей, задавая тем самым вектор развития. Подождём и посмотрим, какую на этот раз позицию займёт государство в лице комиссии по Государственным премиям, благо ждать осталось недолго.

Александр М. СИДОРИН,
председатель редакционной коллегии объединения журналов "Архитектура и строительство России" и "Зодчество мира"

МЕЧТА МЕЙЕРХОЛЬДА

"Новая опера" за час до спектакля

У каждого великого режиссера театр начинается по-своему. У Станиславского — с вешалки. У Мейерхольда и Таирова, - с пола. Известно, что эти два больших мастера не спешили почитать друг друга. Всегда. Эмпирический же факт для меня, чтобы его театр уложился в одном ряду с театром Александра Яковлевича. А вот профессиональные взгляды на сценическую площадку у них совпадали практически полностью.

"Сцена большая неприличность пространствий пол, его надо любить" писал Мейерхольд в мечтах. "Как скульптор мнет глину, так и будет гулять пол сцены..." И Таиров вторил, размышляя о пьесе, которая была для "тибской и пьезуцкой квадратуры".

Про Мейерхольда и Таирова я вспомнил не случайно — оба начинали свои театры здесь же - в "Эрмитаже", в помещении, которое содержал до революции некий Яков Васильевич Щукин, значившийся по документам то купцом, то старшим аптечным фельдшером, а на самом деле работавший буфетчиком в московских злачных заведениях. Но еще здесь пел Шаляпин (в спектаклях частной оперы Саввы Мамонтова), еще Антон Павлович Чехов читал совсем юным "художественникам" свою новую пьесу "Три сестры", а еще здесь работал Театр Проектируля, где репетировал Сергей Эйзенштейн, а потом Театр имени Моссовета с его легендарными звездами Верой Марецкой и Фаиной Раневской.

Вот таков уголок Москвы, выбравший для зрителей и мэром Москвы и главным дирижером "Новой оперы", когда те с мастерами в руках укладывали первые кирпичи в основание будущего нового оперного театра. Было это в мае 1995-го.

Между прочим, предыдущее здание оперного театра в Москве построили 200 лет назад. Колобосову "Новую оперу" возвели и оборудовали за два с половиной года. Около 50 отечественных и зарубежных фирм — по конкурсу! — получили право участвовать в строительстве и оснащении нового оперного театра в столице России. И сразу же — на стадии проектирования — были заложены нормы и параметры самого высокого качества.

В верхних этажах запланировали специальные репетиционные помещения — для хора отдельно, для оркестра отдельно и несколько классов для занятий солистов, тоже отдельно. В классах поставили восемь фортепиано "Бехштейн", вдобавок к уже привезенным двум концертным роялям "Steinway". Это лучшие инструменты в мире, и такого богатства нет даже в московской консерватории. Световую технику делала английская фирма "Strand", а машинерию сцены — баварская "BBB", известная тем, что именно ей французы доверили оборудовать новую парижскую оперу на площади Бастилии. Вот здесь я и начал свое путешествие по "Новой опере".

До спектакля оставался час. Мы стояли на боковой сцене, и вдруг она превратилась в лестницу из четырех огромных ступеней. А потом каждая из этих ступеней развалилась на три отдельные площадки. Метр, полметра, два с половиной. А часть этой огромной конструкции так же плавно опустилась куда-то под сцену. Ну, как по мановению волшебной палочки! Только нынешняя центральная волшебная палочка представляет собой компьютер, в котором для каждого спектакля создается отдельная программа.

Все здесь подчинается фантазии авторов спектакля. С помощью двигающегося пола можно соединить оркестр со зрителями, как это сделано в "Евгении Онегине", а можно наоборот спрятать так глубоко, что музыка звучит как бы из преисподней. Кто знает, какой эстетический эффект может возникнуть, если Колобов возьмется, скажем, за "Фаусту", или за концертное исполнение "Фантастической симфонии" Берлиоза.

Теперь от авансцены, где расположился оркестр, отправимся на арьерсцену, в помещение, которое находится за сценической площадкой. Тут главное — звонница, на которой укреплены шесть прекрасных старинных колоколов. Всего их 10, они были подарены "Новой опере" в день ее переезда в сад "Эрмитаж". Три самых больших повешены в фойе, один — самый маленький — стоит в кабинете Евгения Владимировича Колобова как своеобразный талисман. Остальные — на верхотуре, откуда звучит мощный чарующий звон во время спектакля "Борис Годунов".

Если путешествие по сцене "Новой оперы" вызывает ассоциации с морским кораблем, то самостоятельно с системой "театрального света" отправляет фантазию в кабину суперсовременного самолета. Световая рубка напоминает множеством приборов. Стекло, напоминающее лобовой ворвань авиалайнера, отделяет кабину от зрительного зала. Все знают: перед началом спектакля непременно наступит темнота. И только человек за пультом может сказать:

— Да будет свет!

Компьютер потеснит себе 700 прожекторов, запоминает неограниченное количество световых и цветовых композиций, и при этом достаточно легкого движения руки, чтобы полностью сменить всю гамму. А ведь только в "Демоне" свыше 500 положений света.

...До спектакля остается меньше часа. И коридорных слышны голоса распевающихся певцов, в оркестровой яме инспектор оркестра раскладывает ноты на пюпитры, в фойе капельдинеры готовят программки для продажи и буфетчик профессиональным взглядом осматривает прилавок.

Алмазный свет окон нового дома "Новой оперы" завораживающе сияет в темноте весеннего вечера.

Антон БОРИСОВ